

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Олега Николаевича Склярова
«Неотрадиционализм в русской литературе XX века:
философско-эстетические интенции и художественные стратегии»,
представленную на соискание
ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

В диссертационном исследовании О.Н. Склярова объектом изучения является ценностная природа неотрадиционализма постклассической словесности, охватывающая своим содержанием разные модусы взаимодействия писателя с культурой прошлого. Принципиальная особенность исследования в том, что определенный предложенным В.И. Тюпой понятием «неотрадиционализм» объект диссертации одновременно является ключевой составляющей ее теоретико-методологической базы. Двусоставность научного объекта предопределила структуру исследования, композиционно распадающегося на две части – теоретическую и аналитическую.

Первая, носящая название «Литературный неотрадиционализм как неклассическая модификация традиционного типа творческого сознания»,

уточняет содержание вынесенного в заглавие диссертации и первой главы концепта. Здесь автор дифференцирует традицию как технику и традиционность – как идеологию, отделяя присущее культуре рубежа XIX-XX вв. «метафорическое», «бессильное» (в терминах Ф. Ницше) понимание традиции от исполненного высокой степени абстракции указания на высший смысл и истину. «От наших представлений о сознании зависит наша концепция мира, а она в свою очередь предопределяет нашу мораль, нашу политику, наше искусство». Это высказывание Ортега-и-Гассета может быть отнесено к основным наблюдениям первой части, в которой автор описал, с одной стороны, теоретический разнобой, имеющий место в трактовке понятия «традиция», с другой – разнообразие исторических его смыслов. Вот почему несомненным вкладом в науку о литературе следует считать предпринятый О.Н. Скляровым экскурс в историю использования и трактовки этого концепта, проясняющий его литературоведческий статус, легитимизирующий его в качестве теоретико-литературного термина, определяющий сферы его применения и пределы применимости ряда других, сопряженных с ним философско-эстетических понятий, которые используются для описания и анализа литературного памятника и литературного процесса: «традиционализм», «традициологическое», «универсализм» культурной традиции и проч.

Здесь следует отметить важную особенность диссертации О.Н. Склярова, предметное поле которой охватило неоклассические аспекты русской постклассической литературы, прежде уже становившиеся материалом типологических исследований значительного круга литературоведов (среди них – О. Клинг, О. Седакова, В. Тюпа, В. Хализев, М. Эпштейн и др.). Очевидная актуальность теоретической части диссертации состоит в осуществленной О.Н. Скляровым всесторонней проработке и исчерпывающей систематизации историко-литературного феномена и литературоведческого концепта «неотрадиционализм», до сего момента очерченного весьма эскизно. Автор тщательно рассмотрел концепции предшественников, установив неохваченные

ими аспекты этого понятия, неясности в его трактовке или рассогласованности в определениях, такие как: отсутствие разграничения литературного неотрадиционализма, сложившегося в неклассическую эпоху, и классического («рефлексивного») традиционализма; неотрадиционализма и пост-традиционалистских линий философско-эстетической / литературной эволюции; отличие концепта «неотрадиционализм» и смежных с ним или мнимотождественных ему концептов «классичность», «традиционность», «неоклассицизм», «традиционная культура», «национально-культурная идентичность» и т.д., неполнота философско-эстетических характеристик неотрадиционального типа творческого мышления; неопределенность литературоведческого статуса термина «неотрадиционализм» в системе таких категорий, как «литературное направление / течение», «школа», «творческий метод», «тип художественного сознания», «художественная система» и т.п. (см.: стр. 12-13 диссертации).

Принципиально важным как для истории, так и для теории литературы представляется следующий из обзора и анализа вопрос, поставленный диссертантом: какая из литературных формаций XX столетия является наследником рефлексивного традиционализма. В своем ответе О.Н. Складов разошелся со своим уважаемым предшественником В.И. Тюпой. Диссертант произвел сближение классического («рефлексивного», по С. Аверинцеву) традиционализма не с соцреализмом, как это делает В. И. Тюпа, а с неотрадиционализмом, что позволило возвести последний к традиционализму античности и средневековья (универсальным парадигмам духовно-культурного и эстетического бытия эллинистско-христианской цивилизации; стр. 26). В отличие от своего предшественника О.Н. Складов утверждает, что жесткая регламентарность и монологичность ветхого традиционализма являются вторичными его признаками, обусловленными временем. Предложенный диссертантом ответ не только важен для исследовательских целей диссертации, но имеет значительные научные перспективы. О.Н. Складов впервые указал на прежде не замеченный

историками литературы тип ценностной ориентации, которому присуща определенная и самостоятельная структурная целостность. Исследователь определяет ее (стр. 145) как особую устремленность неклассического творческого мышления, усвоившего уроки модернизма, но не пошедшего до конца по пути авангардистского «раскрепощения» и не свернувшего в русло литературного реставрационизма и нормативизма, а проявившего новый, сознательный и свободный интерес к классическим универсалиям и ценностям традиции. Ментальности этого типа в равной мере чужды как авторитарная императивность, эстетический консерватизм, пассаизм, так и эвристически-игровая беспринципность «уединенного сознания». Автор диссертации предлагает свое определение этого типа сознания, говоря о нем как о *срединном* векторе в неклассической словесности XX века.

Важным в методологическом и историко-литературном плане является вывод диссертанта о том, что новый традиционализм наследует эти установки сознания не как «готовое слово», а как вектор творческого поиска. При этом неотрадиционализм обогащает и расширяет исконные установки ветхого традиционализма представлением о суверенности творческой личности, ничем извне не скованной свободы исканий, персонализмом, интересубъективностью, диалогизмом.

Следует подчеркнуть принципиальную особенность подхода О.Н. Склярова, выводящего неотрадиционализм из связи с «консервативно понятой национально-культурной идентичностью» и устанавливающего присущую ему особую ценностную установку, предполагающую «волю к связи, единству, свободному согласию перед лицом общей Истины и к утверждению безусловной значимости духовных накоплений человечества» (С. 249). Как представляется, такого рода ограничения, накладываемые диссертантом на концепт неотрадиционализма, не вполне согласуются с признанием в рамках избранного концепта ценностей персонализма в его отечественном «постклассическом» варианте, явленном в творческом наследии отечественных мыслителей и писателей 1920-х–1940-х гг.,

А.А. Золотарева, Н.П. Анциферова, А.А. Ухтомского, М.М. Пришвина, А.П. Платонова. В их научном и художественном творчестве отчетливо прослеживается сосредоточенность на «бесконечно малых величинах» (определение А.А. Золотарева) мировых судеб, тревога о судьбах индивидуального, «малого, частного, живого» (выражение А. Белого) в железном самотеке российской истории XX века. Этот тип персонализма восходит к идеям Н.Ф. Федорова и равно чужд «пассеизму», «консерватизму» и национальной ограниченности. Его связь с рефлексивным традиционализмом строится, используем определение А.А. Ухтомского, на понимании традиции как *совокупного творчества понятий, как сверхиндивидуального дела рода, как социального предания*. В свете использованного диссертантом учения А.А. Ухтомского о «заслуженном собеседнике» (стр. 36) представляется важным учет конкретных, индивидуально-родовых черт этого собеседника, в том числе национальных путей восхождения к Истине, с присущим им опытом борьбы и отбора ценностей, вне которых, в сущности, не существует «дискурса ответственности» (стр. 251), немислим диалог, нет предмета согласия. На этих национально-родовых основах рождается восприятие бытия как Блага или его отрицание; формируются интенции солидарности и ответственности; оформляется сознание причастности Высшему и Всеобщему (стр. 99, 349 и др.). Яркий пример тому творчество «волжанина и парижанина» (определение А.М. Горького) А.А. Золотарева, чей неотрадиционализм вырос на Георгиевском кладбище, в Георгиевской слободе рыбинской приволжской земли, без которых был бы невозможен и которому писатель остался верен и в «каприйский» свой период, и в годы работы над итоговым трудом – «Campo Santo моей памяти». Введение конкретно-исторического, локального параметра в содержательные рамки концепта представляется существенно важным. Следует заметить, что автор осознанно уходит от проблемы реального диалога ответственных перед лицом конкретной традиции личностей, определяя лежащую в основе неотрадиционализма традициональность как абстрактное качество, обуславливающее смыслоцентричный, конвенциональный (в неклассических

условиях – конвергентный), причастно-солидарный и онтологически-ответственный подход к творчеству (стр.118). В то же время автор признает относительность полноты любой теоретической модели, на стр. 206-207 указывая, что отличия концептологических двойников неотрадиционализма коренятся в «особенностях той системы идентификационных критериев, которая используется в разработках, моделирующих неотрадиционализм как историко-литературную формацию».

В аналитической части диссертации, названной «Неотрадиционализм в философско-эстетическом сознании и художественном творчестве русских писателей XX века», ставится цель посредством анализа отдельных художественных текстов и индивидуальных творческих «траекторий» исследовать конкретные пути и формы творческой реализации неотрадициональных интенций в условиях неклассической художественной культуры XX столетия. Если в первой части автор имел дело с творческим сознанием писателя, то во второй он поставил цель с помощью филологического анализа вывести из сферы поэтического иносказания тайну стиха, тайну аксиологии автора. Здесь уместно вспомнить слова поэта и литературоведа Анны Ахматовой, которыми она иносказательно определила нечто существенное для нее в художественном творчестве: «В этих стихах есть тайна», и суждение Ортега-и-Гассета, который считал метафору едва ли не единственным способом уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции.

В центре абстрагирующей аналитической мысли исследователя находилось творчество поэтов и писателей (Вяч. Ив. Иванова, В. Ходасевича, М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, И. Бродского, Б. Кенжеева), в котором, как пишет автор на стр. 482-483, проявилась тяга к освященным традицией универсалиям, символам и архетипам (стилистическим, образным, мотивным, сюжетным, тематическим), к универсальным идеям и представлениям, которые не просто транслируют известные схемы, повторяют известное «каноническое» миропонимание, но заново открывают, эвристически прокладывают пути из

нового (современного, исторического) в вечное и из вечного – в историческое и современное; из неповторимой экзистенциальной и исторической ситуации автора/героя к вневременному и непреходящему ценностному универсуму.

В основе представленного на защиту диссертационного исследования человеческие когнитивные структуры, реализующие свои возможности – язык, мышление, память, отбор, восприятие, для переработки и трансформации знания на фоне кризисного сознания модерна и в условиях экзистенциального выбора перед лицом новой, стремительно открывшейся исторической реальностью. Важнейшим научным открытием в данной работе является теоретическое осмысление проекции этого слома в художественном слове, его способности (и готовности) в этих условиях искать (выражать) истину. Высокий уровень обобщения выводов был достигнут автором на путях тщательного анализа и учета наблюдений предшественников – историков и теоретиков литературы, философов и культурологов. Эти выводы нашли подтверждение при филологическом рассмотрении художественных текстов, произведенном автором. Не вызывает сомнений высокая историко-литературная объясняющая сила исследования О.Н. Складорова и теоретическая ценность работы, которая будет в равной степени востребована как историками, так и теоретиками литературы, философами и культурологами, широким кругом ученых-гуманитариев.

Однако работа не лишена некоторых недостатков, которые в основном явились результатом избранного диссертантом метода изложения и которые никоим образом не снижают общей высокой оценки произведенного исследования. Так О.Н. Складорову было необходимо очертить проблемное поле исследования, для чего ему потребовался углубленный экскурс в историю вопроса. Однако слишком широкий охват материала неизбежно вел к локальным ошибкам, в целом не влияющим на основное содержание высказывания. Как пример укажем на с. 81 перечисленные в скобках имена мыслителей Ж. де Местра, Л. де Бональда, Ф. де Оливе, Ф. де Шатобриана, Ф. Ламеннэ, объединенных автором под эгидой философского обоснования ими консервативного римско-католического богословия в ответ на вызовы новейшего

критицизма. Следует отметить в этой связи существенное отличие Ламеннэ от Шатобриана, действительно послужившего укреплению авторитета церкви эпохи бурбонов, и Жозефа де Местра, принадлежащего культромонтам. Путь Ламеннэ кардинально отличался от традиционного пути католической церкви и именно в этом качестве был близок Льву Толстому. Другой пример – схематическое представление о соцреализме, с которым мы сталкиваемся на стр. 162. Автор доверчиво цитирует Е. Добренко, который в свою очередь приводит фрагмент из стихотворения А. Крайского эпохи Пролеткульта, никак не соотносимой в своей поэтике и ценностных (и программных) ориентирах с теоретическими установками и программными произведениями РАППа. Такого рода спрямления касаются и определения социалистического реализма, внеисторично трактуемого на стр. 162-163.

Избранный диссертантом стиль изложения, призванный к накоплению материала для отбора и дальнейших выводов оправдан, потому что позволяет проследить усиление важных для исследователя тем и мотивов, например, в творчестве Вяч. Иванова, позволяет избежать концептуального навязывания собственного мнения о содержании и максимально объективизировать вывод. Но следствием этого оказываются неоднократные повторы.

Однако все эти недостатки и неточности носят характер технический и отнюдь не снижают научной и практической ценности исследования и не влияют на общую весьма высокую оценку его актуальности и новизны.

Основные выводы работы соответствуют поставленным автором целям и задачам. Основное содержание работы отражено в авторских публикациях и изложено в автореферате.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что диссертация «Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии» полностью соответствует п. 9, 10

Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение. Это позволяет нам рекомендовать диссертационному совету присудить Олегу Николаевичу Склярору степень доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

10.02.2015.

доктор филологических наук,
заведующая отделом рукописей ИМЛИ РАН
Московская Дарья Сергеевна

Дарья

Рабочий адрес: 121069, Москва, Поварская, 25а.

ФГБУН «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук»,

отдел рукописей ИМЛИ РАН.

Раб. тел. +7(495)690-50-30

Электронный адрес: darya-mos@yandex.ru

Подпись д.ф.и. Д.С. Московской заверяю
и.о. уполном. секретаря ИМЛИ РАН
Совета

Дарья